II. ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Зайцева Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 476–501. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501.

Zaytseva N. V. Printsip dobrosovestnosti i ego vliyaniye na kvalifikatsiyu pravovykh svyazey [The Principle of Good Faith and Its Impact on the Classification of Legal Bonds]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 49. Pp. 476–501. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501.

УДК 347.12

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА КВАЛИФИКАЦИЮ ПРАВОВЫХ СВЯЗЕЙ****Н. В. Зайцева**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 84

ORCID: 0000-0002-3636-8339**ResearcherID:** a/3347863

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.37200/IJPR/V24I8/PR280170

E-mail: zaytsevanv@gmail.com

Поступила в редакцию 12.12.2019

Введение: статья посвящена исследованию вопроса влияния принципа добросовестности в различных правовых системах на правовую связь субъектов предпринимательской деятельности в контексте определения самого факта ее наличия или отсутствия и квалификации основных договорных условий. Принцип добросовестности в силу своей абстрактности имеет разное правовое наполнение и, как следствие, влечет различные правовые последствия, которые могут, с одной стороны, заполнить правовой или договорной пробелы, а с другой стороны, создать правовую неопределенность и дестабилизировать гражданский оборот. **Цель:** выявить общеправовые элементы добросовестности, применение требований общеобязательности добросовестности на различных договорных этапах и определить условия изменения договорного результата под воздействием добросовестности. **Методы:** диалектические методы исследования, методы дедукции и индукции, эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации как общенаучные методы познания; частнонаучные методы: исторический, сравнительно-правовой, метод системного анализа. **Результаты:** анализ действующего законодательства, судебной практики и научных исследований показал, что принцип добросовестности на современном этапе стал противопоставляться концепции формализма, что обусловило различные подходы к приданию общеобязательного характера добросовест-

ности в системах континентального права и общего права. Страны континентальной системы права презюмируют общеобязательность добросовестности, поскольку часто у судебных органов отсутствуют иные правовые возможности учесть действительную волю сторон, в то время как в странах общего права выяснение намерений сторон осуществляется с помощью широкого спектра правовых механизмов. Поэтому общеобязательность добросовестности может создать угрозу правовой определенности и устойчивости правовых связей. **Выводы:** несмотря на полисемию принципа добросовестности, его главной задачей является учет субъективной составляющей правоотношения с целью исключить поведение участников, направленное на дискриминацию правового положения другой стороны. Такая задача, по сути, консолидирует все правовые принципы, так как, несмотря на различное правовое содержание, их применение судебными органами в итоге приводит к одной цели. Однако формы запрета дискриминирующего поведения не совпадают в результатах своего воздействия на развитие правовой связи, что может привести к непредсказуемости коммерческого оборота. В практической плоскости при выборе применяемого правового принципа судебным органам целесообразней обратиться к модели, которая сохраняет правовую связь и позволяет достигнуть договорной цели, при этом исключить недобросовестное/несправедливое поведение одного из участников.

Ключевые слова: принцип добросовестности; субъективная и объективная добросовестность; справедливость; разумность; злоупотребление правом; открытость и честное ведение дел; правовая лояльность; функции добросовестности, презумпция добросовестности; добросовестность на стадии ведения переговоров; стандарт этического поведения; правовая эффективность

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AND ITS IMPACT ON THE CLASSIFICATION OF LEGAL BONDS

N. V. Zaytseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

ORCID: 0000-0002-3636-8339

ResearcherID: a/3347863

Article in «Scopus»/ «Web of Science»:

DOI: 10.37200/IJPR/V24I8/PR280170

e-mail zaytsevanv@gmail.com

Received 12.12.2019

Introduction: this article looks into the matter of how the principle of good faith, as applied in different legal systems, impacts the legal bonds between commercial entities, depending on whether such bonds actually exist or not, and in the context of classification of key contractual terms. Being essentially abstract, the principle of good faith can be interpreted in different ways from a legal perspective and, therefore, may entail different legal consequences, which, on the one hand, can close the legal and contractual gaps but, on the other hand, can give rise to legal uncertainty and destabilization of the civil turnover. **Purpose:** to identify the general legal elements of good faith and the ways the requirements of the generally binding character of good faith are applied at different stages of the contractual process; to define the conditions for the contractual performance to change under the influence of good faith. **Methods:** dialectical methods of research, deduction and induction techniques, empirical methods of comparison, description and interpretation as general scientific methods; there were also used specific scientific methods such as historical, legal comparison, and systems analysis. **Results:** analysis of the

*applicable legislation, court practice and scientific research shows that good faith is currently opposed to the formal concept, and this has become the cause of different approaches to assigning the generally binding character to good faith in the continental law and common law systems. The generally binding character of good faith is presumed in countries with the continental system of law because the judiciary often lacks any other possibility to take into account the actual will of the parties, whereas the common law countries operate a wide range of legal mechanisms for revealing the intentions of the parties, and, therefore, the generally binding character of good faith may jeopardize legal certainty and stability of legal bonds. **Conclusions:** the principle of good faith, whilst having many-faceted functions and tasks, is mainly aimed at taking into account the subjective component of legal relations in order to exclude the parties' conduct intended to discriminate the legal position of the other party. Essentially, this objective consolidates all the legal principles because, notwithstanding the differences in legal substance, application of such principles by courts eventually brings about the same outcome. However, the forms of the discriminatory conduct prohibition do not produce the same impact on the legal bond development, and this can make commercial turnover unpredictable. In practice, when choosing an applicable legal principle, the judiciary would do better to opt for a model that would preserve the legal bond and would allow for achieving the contractual purpose, while excluding bad/unfair conduct of any one party.*

Keywords: good faith; subjective and objective good faith; justice; reasonableness; abuse of law; openness and honest conduct of business; legal loyalty; good faith functions; presumption of good faith; good faith at the stage of negotiating; ethical conduct standard; legal effectiveness

Современная правовая интерпретация добросовестности в российской судебной практике

Существование правовых принципов обусловлено несколькими факторами: изменением нормативно-правовой базы, которое идет медленнее развития общественных отношений, поэтому отсутствие у правовых принципов легального определения позволяет судебным органам наполнять их новым содержанием в зависимости от существа правового пробела или возникшей правовой коллизии; необходимостью противопоставить формализму учет субъективной воли сторон или действительное волеизъявление сторон, которое не нашло должного воплощения в обязательстве [6, с. 106].

Правовая абстракция принципа позволяет выполнить его ключевые функции, однако осложняет процесс разграничения одного принципа от другого [5, с. 158–159]. Наличие различной правовой интерпретации в нормативных актах и судебных решениях приводит к смешению детерминирующих критериев. Термины, используемые для конкретизации принципа, часто носят не правовой, а общесоциальный характер и толкуются в правовом ключе по-разному. В этой связи наблюдается содержательное пересечение принципов добросове-

стности, разумности, справедливости, баланса интересов и др. Необходимость их определить и разграничить тесно связана с правовыми последствиями, которые возникают в связи с нарушением того или иного принципа [7, с. 94].

Если рассматривать базовые основания, на которых строится регулирование гражданско-правовых отношений, то обращает на себя внимание нормативное закрепление только принципа добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Верховный Суд РФ, давая разъяснения на предмет применения части первой Гражданского кодекса РФ¹, отмечает, что при квалификации поведения в качестве добросовестного или недобросовестного надо исходить из некой предполагаемой модели поведения, в которой участники учитывают права и интересы другой стороны и содействуют ей. Суд также не дает однозначного ответа в части правовых последствий признания поведения участника гражданских правоотношений недобросовестным [9, с. 83], это некий отрывтый перечень, который включает в себя и отказ в защите права недобросовестной стороны (т. е. последствия, предусмотренные для случаев злоупотребления пра-

¹ О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса РФ: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вом), признание условия или наступившим или ненаступившим как контрмера недобросовестным действиям (для сделок, совершенных под условием), отказ от применения последствий недействительности сделки по заявлению недобросовестной стороны и др. Этот набор правовых последствий говорит о том, что выбор механизма правовой защиты будет зависеть от оценки ситуации судебными органами, а применение принципа добросовестности не коррелирует с непосредственным упоминанием данного принципа в соответствующей норме – он в равной степени распространяется на все правоотношения [8, с. 107].

Анализ судебной практики позволяет выделить разные подходы к определению добросовестности как в разных правовых сферах гражданского права (вещном праве, обязательственном праве, корпоративном праве), так и внутри отраслей. Пока ситуация выглядит таким образом, что большинство спорных вопросов, урегулирование которых затруднительно посредством нормативных актов, суды пытаются квалифицировать исходя из добросовестности и злоупотребления правом (что предполагает недобросовестное поведение). Так, Верховный Суд РФ оценивает ряд направлений видов деятельности организаций, которые выдают кредиты под высокие проценты (МФО микрофинансовые организации), как недобросовестное поведение, поскольку встречное исполнение по договору займа не может быть основано на несправедливых договорных условиях¹. Обращает на себя внимание смешение нескольких правовых принципов и категорий: и добросовестность, и справедливость, и кабальные условия сделки. Основной вопрос, который возникает, связан с несвойственным правовым наполнением принципа добросовестности при наличии оснований квалифицировать сделку кабальной. Однако при более детальном рассмотрении такие займы не так уж несправедливы. Во-первых, они чаще всего предоставляются без такого жесткого отбора, с точки зрения платежеспособности заемщика, который является детерминирующим фактором в случае получения займа в кредитном учреждении; во-вторых, низкие проценты обычно предполага-

ют наличие обеспечительных мер (залог, поручительство и т. д.). В такой ситуации высокий процент является не только способом заработать, но и выполняет некую гарантийную функцию и в определенной мере минимизирует риски неплатежеспособности заемщика. Это в том числе не позволяет однозначно отнести договор к кабальным сделкам, что заставляет суд апеллировать к добросовестности.

Изменения, внесенные в Гражданский кодекс, также определили единый вектор квалификации поведения как недобросовестного – в случае изменения позиции лица, осуществляющего исполнение (например, частичная выплата страхового возмещения или частичное погашение займа). Иными словами, лицо лишается права ссылаться на отсутствие страхового случая или договора и т. д., если уже частично осуществило по нему исполнение. Данная ситуация – классическая ситуация эстоппель, которая говорит о лишении лица права на защиту в случае противоречивости своего поведения, и в правовом понимании это, конечно, не случай недобросовестного поведения. Лицо могло изменить свою позицию, выяснить какие-то обстоятельства или просто начать исполнение без надлежащей информированности. В ситуации эстоппель лицо «наказывают» не за недобросовестное поведение, а за дестабилизацию правовых связей – контрагент ориентировался на это исполнение и выстраивал соответствующую модель поведения для себя.

По-другому складывается ситуация с вещными правами, одной из ключевых фигур вещного права является добросовестный приобретатель. Принцип добросовестности делает приобретателя субъектом правоотношений с совершенно другим объемом прав и средств защиты, нежели лицо, которое не может доказать свою добросовестность. Здесь иначе определяется содержательная часть правового принципа. Если в отношении обязательственных прав понятие добросовестности связано с исключением и противопоставлением недобросовестному поведению, то в случае с вещными правами субъект определяется также посредством квалификации добросовестного поведения. Ключевым элементом добросовестности в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ является незнание о фактическом наличии права на отчуждение у соответствующего лица. В нормативных актах также могут быть уста-

¹ См., например, определение Верховного Суда РФ от 13.11.2018 г. №41-КГ18-46. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1709146.

новлены дополнительные критерии добросовестности¹. Но главный вопрос: является ли данное незнание пассивным или активным, иными словами, пытался ли приобретатель выяснить вопросы, влияющие на юридическую чистоту сделки. Анализ судебной практики позволяет утверждать, что речь идет об активном незнании. Необходимость совершать действия, направленные на выяснение правового статуса лица, у которого приобретается имущество, определяется в судебных инстанциях как должная осмотрительность. Так, при рассмотрении спора по делу (18-КГ17-291)² поднимался вопрос, возможна ли продажа имущества по заниженной цене. В итоге суд пришел к выводу, что у добросовестного продавца низкая цена должна вызвать определенные сомнения или опасения относительно прав на это имущество.

В другом деле (№5-КГ18-3)³ рассматривался вопрос о возникновении права собственности на имущество в силу приобретательной давности, действия истцов были квалифицированы как добросовестное владение, поскольку лица вступили во владение без противоправных действий (истцы использовали комнату умершего соседа) и несли расходы на содержание данного имущества, т. е. также осуществляли активные действия. И как недобросовестные рассматриваются действия департамента городского имущества, которые по сути состояли в бездействии и отсутствии интереса к правовой судьбе спорного имущества.

В правоотношениях, где появляется в той или иной степени публичный элемент, количество критериев определения действий лица в качестве добросовестных увеличивается и набор требований становится все более «обременительным» для субъекта. Так, по делам о банкротстве достаточно много правовых последствий, включая привлечение к субсидиарной ответственности, обусловлены не наличием вины в действиях организации, находящейся в стадии банкротства, ее исполнительных органов,

участников и т. д., а наличием добросовестности. По сути, лицо не просто должно не хотеть негативных последствий, а должно активно действовать, чтобы они не наступили, и в этом смысле добросовестность в силу своей абстрактности достаточно затруднительно доказывается. Например, в одном из дел⁴ Верховный Суд РФ указал, что директор должен был передать всю документацию конкурсному управляющему, а если он этого не сделал вследствие потери информации по независимым от директора обстоятельствам, то, как добросовестный директор, он должен был проявить заботу и осмотрительность и восстановить всю утраченную документацию. Также в постановлении Пленума Верховного Суда № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» указано, что в случае применения принципа добросовестности в делах о банкротстве суды должны оценивать поведение должника и других лиц с учетом поведения, ожидаемого от участников гражданского оборота, которые учитывают права и законные интересы других лиц и содействуют им.

Свое понятие добросовестности выработалось в налоговом праве. Кроме очевидных действий, связанных с тем, что лицо не должно совершать налоговых правонарушений, на субъекте хозяйственной деятельности лежит обязанность пополнять бюджет за счет поступления налоговых отчислений. Данное требование создало предпосылки для возникновения такого правового явления, как необоснованная налоговая выгода. В судебной практике добросовестность налогоплательщика чаще всего оценивается в контексте необоснованной налоговой выгоды, поскольку если речь идет о налоговых правонарушениях или преступлениях, то оценке подлежит чаще всего вина. Действия лица признавались недобросовестными в случаях непредоставления необходимой информации, неправильного отражения операций в учете, выбора в качестве контрагента фиктивной организации, совершения сделок без явной экономической выгоды и т. д. Анализ требований, предъявляемых к налогоплательщику в части добросовестности, говорит о такой сте-

¹ Например, в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ добросовестным считается лицо, которое не только не знало о правах третьих лиц на ценные бумаги, но и оплатило их, т. е. совершило фактические действия, направленные на исполнении своих обязанностей по договору.

² Определение Верховного Суда РФ № 18-КГ17-291 от 20.03.2018 г. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1636284.

³ Определение Верховного Суда РФ № 5-КГ18-3 от 20.03.2018 г. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1639660.

⁴ Определение по делу № 305-ЭС17-21627 от 07.05.2018 г. URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/npd/doc/docid/28294821/modid/98>.

пени осмотрительности, бдительности, осторожности, что нехарактерно для предпринимательской деятельности и отражает общий подход: уплата налогов по итогам сделки важнее, чем любая коммерческая составляющая сделки.

Действующее законодательство, создавая основу для повсеместного использования принципа добросовестности, дает возможность судебным органам в процессе правоприменительной практики определять его содержание [11, с. 237].

При этом, несмотря на упоминание других принципов в нормативно-правовых актах, на практике они не получили широкого распространения и в большинстве случаев подменяются добросовестностью. Некоторые авторы считают такую правоприменительную практику удачной, поскольку использование разных принципов, каждый из которых не имеет однозначного правового содержания, только создаст дополнительную правовую неопределенность¹.

Таким образом, принцип добросовестности можно определить как «живую» правовую категорию, к которой закон лишь апеллирует, но не определяет. При этом в силу своей абстрактности он стал «спасительной бухтой» для российских судов, которые не могут в силу сложившихся обстоятельств иным образом обосновать несправедливость сделки. Необходимость разрешить конфликт между условной законностью и несправедливостью – одна из задач принципа добросовестности. Однако реализация данной задачи при наличии широкой судебной дискреции в процессе определения содержания данного принципа, а также возможность его использования в случаях, когда речь в принципе идет не о нарушении справедливости или о злоупотреблении правом, а скорее о нетипичности договорных условий, которые воспринимаются судебными органами негативно, приводит к проблеме непредсказуемости судебного толкования и неопределенности правового результата.

Частота применения данного принципа зависит не только от волеизъявления сторон, но и от воли суда, по инициативе которого данный принцип может применяться, обнаруживая противоречие с принципом процессуальной диспо-

зитивности. Такой подход также делает достаточно часто развитие гражданско-правовой связи непредсказуемым.

Целью настоящего исследования является изучение содержания принципа добросовестности в различных правовых системах с целью выявления его общепризнанного содержания. Также представляют интерес функции и задачи, которые определяются судебными органами при применении принципа, а также то, насколько их реализация влияет на развитие и изменение правоотношения.

Структурные элементы добросовестности, определенные в современной доктрине. Особенности трансляции доктринальных подходов в международных нормативных актах

В доктрине можно выделить два значения добросовестности в зависимости от правового аспекта использования принципа. Если рассматривать добросовестность в объективном ключе, то ее можно оценить как метод, используемый для «морализаторства» договорных отношений и смягчения неравенства, что может появиться вследствие реализации теории автономии воли. В субъективном смысле цель данного принципа – защитить ошибочную веру одной договаривающейся стороны, что создает эффект придания юридической силы определенным условиям, не предусмотренным в договоре [3, с. 494]. Данная правовая дихотомия добросовестности встречается во многих правовых системах, однако она не позволяет устранить неопределенность в установлении единого содержания и функций принципа.

Принцип субъективной добросовестности встречается в различных областях права, включая семейное право, вещное право (где обычно речь идет о правах лиц добросовестного владения активами)² и в нормативных актах, регулирующих реституцию (а также вопросы отказа от реституции или ее ограничения), которая приво-

¹ Такая позиция была высказана А. Г. Карапетовым на конференции Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ (ИЦЧП) «Обязательственное право: классические вопросы и новые вызовы».

² Например, Швейцарский гражданский кодекс от 10.12.1907 г., ст. 661, 673, 674 и др. URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/21.html#21>; Французский гражданский кодекс, ст. 549, 550. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGI TEXT000006070721>; Бельгийский гражданский кодекс, ст. 1141 и др. URL: http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/loi_a1.pl?language=fr&la=F&cn=1804032130&table_name=loi&&caller=list&fromtab=loi&tri=dd+AS+RANK.

дит к отмене или прекращению контракта или к отмене платежей, которые не были получены¹.

Некоторые правовые системы пытались дифференцировать объективную добросовестность и субъективную добросовестность путем принятия различных формулировок. Так немецкое законодательство проводит различие между *Treu und Glauben* (объективной добросовестностью) и *Guter Glaube* (субъективной добросовестностью) [4 с. 113–114]. Аналогичное различие проводится и в других странах, например в Нидерландах. С. Мак в своем комментарии [14, с. 47] объясняет, что выражение «причина и справедливость» используется для описания объективной добросовестности во избежание путаницы при использовании понятия в его субъективном смысле. Гражданский кодекс Голландии объединил два понятия: *goede Trouw* (ст. 1374, разд. 3 старого Кодекса) и *billijkheid* (ст. 1375 старого Кодекса), чтобы создать концепцию *Redelijkheid en billijkheid*, которая теперь заявлена в статьях 6:2194 и 6:248 последней версии Гражданского кодекса Голландии и рассматривается как взаимосвязанные элементы, составляющие категорию объективной добросовестности.

При описании принципа добросовестности большинство правовых систем акцентируют внимание на определении его функций, поскольку добросовестность — это чаще всего открытая норма, содержание которой не может быть установлено само по себе, а только в привязке к конкретным обстоятельствам дела. Тем не менее большинство юристов сходятся во мнении, что различия в теоретической концепции не имеют большого значения, важно то, каким образом и когда суд применяет данный принцип. Таким образом, задача добросовестности — адаптироваться к обстоятельствам, возникающим в конкретном деле.

Поскольку немногочисленные правовые системы попытались законодательно закрепить толкование обязанности вести себя добросовестно, определенное значение, в первую очередь для целей судебного толкования, имеет доктрина, которая содержит и специальные методологии определения принципов, и специальные правовые теории добросовестности.

Немецкая правовая доктрина, которая опирается на научную методологию *Fallgruppen*

(эта идея нашла отражение в различных правовых группах), определяет добросовестность через категорию верности и доверия. Внутренняя система немецкого права также построена по принципу, который позволяет определить содержание добросовестности через достаточно специфические для коммерческого оборота систему обязанностей, запретов и императивных правил.

Попытки определить содержание добросовестности могут быть обнаружены в разных правовых теориях, к которым относятся теория исключения [29, р. 195] и теория упущенных возможностей. В контексте теории исключения основным эффектом концепции является исключение типов неправильного поведения, которые могут быть охарактеризованы как недобросовестные. Основатель теории профессор Р. С. Саммерс определил перечень моделей поведения, которые не подпадают под требования добросовестности, такие как: «уклонение от духа сделки, отсутствие усилий, преднамеренное предоставление только существенного исполнения, злоупотребление властью для определения согласованности действий, вмешательство или неспособность сотрудничать в части исполнения обязательства другой стороны и другие». Данные действия были подтверждены как недобросовестные в судебной практике [28, с. 196–198].

В противопоставлении теории исключения находится теория «упущенных возможностей», которую разработал профессор С. Дж. Бертон [13, pp. 369–373]. Данная теория воплощает экономический подход к договорной добросовестности и основана на том, что в течение действия договора стороны воздерживаются от вступления в другие договорные отношения. Недобросовестное поведение имеет место, когда одна сторона пытается вступить в иные аналогичные отношения в период действия контракта, которые неизбежно приведут или к неисполнению по текущему договору или к любому способу его прекращения (т.е. к разрыву договорных связей). Еще одна теория разработана М. В. Хеселинк [19, pp. 619–649], в соответствии с которой добросовестность — это прикрытие, задача которого в том, чтобы сгладить неуверенность судей, когда они выполняют функцию, направленную на разрешение неоднозначного спора. В таком ключе роль добросовестности сводится в предоставлении дополнительных прав судьям в осуществлении их действий.

¹ Французский гражданский кодекс 1844–16, Бельгийский гражданский кодекс 1380, 1691.

Данный подход не очень далек от других научных подходов, только акцентирует внимание скорее на негативном аспекте применения добросовестности. В некоторых работах также отмечается, что, хотя нет закрепленной легальной концепции добросовестности или механизма, который успешно определял бы условия использования данного принципа, категория добросовестности дает судьям возможность одобрить определенные решения.

Суды традиционно самостоятельно используют значение добросовестности как инструмент договорной справедливости, и в определенных случаях это возникает как результат исковых требований.

Наиболее распространенными в доктрине считаются три значения термина «добросовестность». Во-первых, добросовестность рассматривается в качестве критерия толкования. Чтобы толковать правовой текст, содержащийся в договоре, конвенции или законе в соответствии с доброй совестью, толкование должно осуществляться на основе «реального смысла», а не строго в соответствии с текстом. Такой подход контрастирует с чистым формализмом и основан на традиционной разнице, заложенной в романской системе права между действиями, прямо предусмотренными в законе, и действиями, основанными на доброй совести. Во-вторых, добросовестность – это моральное качество: быть добросовестным – это значит вести себя лояльно, искренне, честно, держать слово, держать обещание. Это правило направлено против «вредоносных» намерений. В-третьих, добросовестность – это ошибочная вера в существование определенной правовой ситуации. Такая добросовестность всегда презюмируется.

Принцип добросовестности часто используется в контексте подхода, применяемого при толковании договора, как метод, противопоставляемый буквальному толкованию текста, и часто появляется в контексте толкования законодательства [10, р. 99–101]. Так, при рассмотрении споров в международных коммерческих арбитражах толкование в соответствии с принципом добросовестности оценивается как «путь более благоприятного толкования для сторон», которое позволяет установить действительное намерение сторон [18, р. 275]. Чтобы поддержать эту точку зрения, первый президент Международной организации юристов-демократов

Рене Кассин в 1975 г. внес следующее предложение: «судья должен толковать условия, не забывая при этом перенести (условия контракта) в их контекст и рассматривать контракт как целое, для того чтобы определить реальное общее намерение сторон. И затем условия, которые вызывают споры, толковать в соответствии с принципом добросовестности»¹. Недобросовестность стороны, которая требует выгоды по всей строгости контракта для себя, применяется против такой стороны. По факту это завуалированный способ достичь справедливости [14, с. 47].

Большое влияние на формирование доктрины добросовестности оказывают международные акты, где унифицируются подходы разных правовых систем. В большинстве правовых систем добросовестность возведена в ранг основополагающего принципа, поэтому она «сопровождает» контракт на всех его стадиях.

Так, термин «добросовестность», используемый в принципах УНИДРУА, определяется с отсылкой на любой контракт, который подлежит толкованию. В статье 4.8. Принципов указано, что главную роль в определении содержания условий играют: намерения сторон, существо и цели контракта, принципы добросовестности и честной сделки, обоснованность².

В Принципах Европейского права также указано, что, помимо явно выраженных условий, контракт может содержать подразумеваемые условия, которые определяются на основании намерения сторон, природы и цели контракта, добросовестности и честной сделки³. Гражданский кодекс Франции говорит о том, что соглашение связывает стороны не только тем, что прямо написано в контракте, но также и тем, что предполагает справедливость, обычай или закон в отношении обязательства и в соответствии с его природой⁴.

¹ Sentence of 10 June 1955 Rev.crit., 1956. 279, note H. Batiffol, rev.arb 1956.15, Sentence CCI case 1434, 1975, JDI 1976.979, note Y. Derains.

² Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) 1994 г. URL: <https://legalacts.ru/doc/printsipy-mezhdunarodnykh-kommercheskikh-dogovorov-printsipy-unidrua-1994/>.

³ Принципы Европейского договорного права 2002 г. (ч. 1, 2, 3). URL: <https://www.jus.uio.no/lm/eu.contract.principles.parts.1.to.3.2002/portrait.pdf>.

⁴ Французский Гражданский кодекс от 21.03.1908 (ред. 2016). URL: https://archive.org/stream/cu31924087609073/cu31924087609073_djvu.txt.

Добросовестность не только проводник для толкования намерения сторон, но также инструмент, который влияет на содержание контракта. Если суды готовы к оценке и интерпретации намерений сторон, они будут применять принцип добросовестности как реальное правило толкования и как источник обязательства.

Что касается подхода к толкованию в национальных правовых системах, то в странах с цивилистической традицией контракты традиционно содержат отсылку на намерение сторон – дух соглашения имеет больший вес, чем прямые формулировки. Поэтому большинство правовых систем признают превосходство «субъективного» толкования через выяснение намерения сторон.

В случае если национальное право позволяет благодаря принципу добросовестности создавать для сторон дополнительные обязательства, возникающий правовой феномен, – «форсирование контракта» используется судьями для обнаружения обязательств, которые в том числе могли не входить в намерение сторон [23, р. 69]. Обычно обязательство, основанное на толковании добросовестности, определяет его формообразующую и интерпретационную природу. Создание нового обязательства – часть общего подхода, возникающего вследствие применения моральных стандартов в договорных отношениях [29, pp. 242–243].

Добросовестность, как стандарт поведения, напрямую используется в некоторых международных актах [31, pp. 7–14]. Среди различных международных источников, применяемых к договору, термин «добросовестность» появился и активно используется в Конвенции ООН о международной купле-продаже¹. Конвенция не содержит обязательных условий, предполагающих обязанность применять к договору условия о добросовестности. В соответствии со статьей 7(1), при толковании Конвенции принцип добросовестности должен преобладать, но это не накладывает на стороны реального обязательства. Эта статья появилась как результат компромисса между подходом стран, которые устанавливают повсеместную обязанность действовать добросовестно, и странами общего права, которые настроены против такого подхода.

¹ Конвенция ООН «О договорах международной купли-продажи», Вена 11 апреля 1980 г. Документ A/CONF.97/18 Annex 1 // Сб. междунар. договоров СССР и Рос. Федерации. 1994. Вып. XLVII. С. 335–357.

Толкование положений Конвенции в этом ключе вариативно. Одни отмечают, что Конвенция не налагает обязательств действовать добросовестно на стороны, означает, что такой обязанности не существует. Другие, в противовес этой позиции, считают, что данный принцип не нуждается в фиксации в тексте, поскольку это основополагающий принцип права и может быть применен в любом случае. Также некоторые ученые отмечают, что принцип добросовестности – один из фундаментальных принципов, на котором строится Конвенция, и достаточное количество статей имеют соответствующие отсылки на выраженный принцип добросовестности (см. ст. 29 (2), 35 (3), 38, 40, 44).

Есть также подразумеваемая добросовестность, которая предусматривает от сторон определенную модель поведения. Так, статья 77 определяет обязательство стороны уменьшить расходы в случае оснований полагать, что другая сторона не исполнит контракт. Такие действия обычно квалифицируются как элемент добросовестности: если соответствующие меры не будут приняты, сторона, нарушившая договор, может требовать уменьшения размера убытков на сумму, на которую убытки могли быть меньше. В статье 80 Конвенции говорится о том, что другая сторона не должна предусматривать неисполнение другой стороной своего обязательства, если объем нарушения были причиной действия или бездействия контрагента. В последнем случае добросовестность должника предполагается, но он не должен полагаться на ошибку кредитора, чтобы избежать исполнения своего обязательства по контракту.

Принцип добросовестности также может применяться в ситуации, когда лицо осуществляло деятельность с убеждением, что она соответствует применимому праву, или в ситуации, что третьей стороне требуется защита.

Термин «добросовестность» в решениях Европейского суда справедливости отсылает к легитимному убеждению стороны о существовании определенных применимых положений закона. В таких случаях применение принципов может иметь ретроспективный эффект. Суд справедливости настаивает, чтобы национальные суды применяли правила ЕС таким образом, как это истолковано судом; так же должны рассматриваться правовые отношения, возникшие или установившиеся до судебного правила, связанного с запросом на толкование. Это след-

ствие – действие принципа о ретроспективном эффекте судебного прецедента. Обычно прецедентное право Европейского суда имеет исключения из общего правила о временном эффекте права, когда они вероятнее всего подрывают убеждение в правовой определенности, возникающей из затронутых публичных и частных интересов. Европейский суд справедливости адаптировал этот подход только для ограниченного количества случаев, например когда, с одной стороны, есть риск серьезных экономических репрессий возникающих. В данном случае принцип добросовестности может быть представлен как последствие концепции злоупотребления правом – даже если выраженное злоупотребление правом не используется.

С другой стороны, такой подход к определению добросовестности содержится в статье 11 Европейской конвенции о применимом праве к контрактным обязательствам¹. Статья предусматривает: «В договоре, заключенном между сторонами из одной страны, физическое лицо, которое обладает правоспособностью в соответствии с правом этой страны, может использовать его недееспособность, которая появилась в результате применения иностранного права только, если вторая сторона договора была осведомлена о такой недееспособности в момент заключения контракта или не знала об этом вследствие халатности». Таким образом, сторона, которая знала о своей недееспособности и не сообщила об этом другой стороне, не вправе в последующем ссылаться на нее, в то время как незнание об этом второй стороны позволяет квалифицировать его ошибочное заблуждение как добросовестное поведение. Тем не менее необходимо помнить, что отсылка к добросовестности часто бывает подразумеваемой и не проявляется в явном виде в самих конвенциях.

Следующий вопрос относительно содержания принципа добросовестности тесно связан с функциями, которые реализуются посредством данного принципа. Вопрос о функциях добросовестности неоднократно поднимался в научных кругах в первую очередь потому, что через описание функций пытаются определить содержание добросовестности. Если применять

такой подход, то функции добросовестности дифференцируются в зависимости от целей их использования: изменение или увеличение договорных условий за счет вменения сторонам дополнительной обязанности; признание сделки недействительной в отсутствие других оснований, запрет использовать выгоду, полученную в результате неосновательного обогащения и др.² Данный подход имеет практическую значимость, так как функции добросовестности сформулированы через последствия, возникающие вследствие недобросовестного поведения, которые нашли отражение в судебной практике.

**Интерпретация задач добросовестности
при квалификации правовых связей
в странах континентальной системы права.
Функциональное пересечение
содержательных элементов
правовых принципов**

Если определять функции через цели добросовестности, то морализаторская функция может быть разделена на: 1) завершающую или комплементарную, 2) адаптивную и 3) ограничительную функции. Вместе они создают определенный поведенческий стандарт, код договорной этики.

При определении комплементарной функции добросовестности особую роль играет соотношение таких понятий, как «лояльность» и «добросовестность». Некоторые авторы отмечают, что часто обязательства добросовестности и лояльности упоминаются так, как если бы два понятия образовали неразрывную единицу [22, р. 265]. При этом обязанность лояльности представляет собой конкретную версию «обязательства добросовестности», «подкатегорию», которая встречается в определенных типах договоров, где существуют особенно прочные доверительные отношения между сторонами (например, трудовые договоры, коммерческое агентство и т. д.). Таким образом лояльность появляется в гражданском праве как эквивалент *фидуциарной обязанности*, которая проявляется в правоотношениях характерных для стран общего права, таких как представительство или траст.

¹ Конвенция о праве, применимом к контрактным обязательствам. Рим, 1980 г. (неофиц. пер.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901889343>).

² Конференция Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ (ИЦЧП) «Обязательственное право: классические вопросы и новые вызовы».

Такую взаимозависимость между добросовестностью и лояльностью можно обнаружить в нормативных актах различных стран. Так, во Франции существует повсеместный принцип добросовестности (п. 3 ст. 1134 ГК Франции). При этом в Торговом кодексе в отношении фидуциарных сделок отсылка, помимо общего требования добросовестности, идет и к лояльности (например, ст. L134-4 al.2 Торгового кодекса), аналогичный подход закреплен в трудовом праве, где от работника требуется лояльное отношение к работодателю (см. L121-9 al.3 Трудового кодекса).

В Германии и Нидерландах добросовестность имеет две составляющие: «долг верности», который предполагает воздержание от любого несправедливого поведения, и «долг сотрудничества», налагающий позитивное обязательство действовать [31, р. 457]. Данный подход, несмотря на разницу формулировок отражает корреляцию между добросовестностью и лояльностью с точки зрения позитивного и негативного обязательства [20, с. 1009–1011].

Адаптивная функция добросовестности реализуется в том случае, когда происходит существенное изменение в экономической составляющей сделки и контракт становится чрезвычайно обременительным для одной из сторон. Данную функцию нельзя квалифицировать как повсеместную, поскольку различные правовые юрисдикции по-разному трактуют вопрос учета экономических колебаний, как основания для изменения или прекращения условий договора. Такие страны, как Франция¹, Бельгия, Англия, как правило, отказываются адаптировать договорные условия при изменении экономической ситуации. В Польше², Португалии³, Нидерландах⁴ существует теория пересмотра контракта из-за невозможности предвидения. В законодательство Германии, в одно

из первых, было включено положение о возможности изменить или прекратить контракт, если его исполнение в первоначальном виде приведет к «невыносимому» результату. В судебной практике сформировалась позиция, что контракт расторгается только в случае невозможности адаптировать условия контракта к новой экономической ситуации⁵. При этом расторжение договора рассматривается как крайняя мера, необходимость применения которой должна быть доказана. Аналогичный вывод был сделан Верховным апелляционным судом Италии в решении 1998 г.⁶, в нем возможность изменения и расторжения контракта была связана с таким изменением экономической ситуации, которую стороны не могли предвидеть и не могли повлиять на то, чтобы она изменила или отменила существенные условия действующего договора.

Если такое правило отсутствует в праве, то стороны чаще всего хеджируют данные риски с помощью условий контракта об обстоятельствах непреодолимой силы (форс-мажор). В условиях действия непреодолимой силы адаптивная функция добросовестности предполагает, что стороны предпримут меры для минимизации негативных последствий для стороны, которая в наибольшей степени пострадает от изменившихся обстоятельств.

Наличие у принципа добросовестности ограничительной функции показывает сложную правовую связь с понятием злоупотребления правом. Эта зависимость нашла отражение как в системе общего права, так и в континентальной правовой системе [2, с. 211–215].

Достаточно часто злоупотребление правом рассматривается как следствие недобросовестности, при этом в некоторых правовых системах злоупотребление правом полностью «поглощается» принципом добросовестности (ст. 281 Гражданского кодекса Греции, ст. 334 Гражданского кодекса Португалии, правовые системы Польши, Ливана и Бразилии).

Часто представляемая как следствие добросовестности, концепция злоупотребления правами, кажется, является общей правовой категорией для ряда правовых систем [27, pp. 1055–1092; 30, р. 649]. На практике же лишь

¹ См. например, решения по делу Huard (cass. com 3.11.1992. № 338. Р. 241).

² См., например, ст. 351.1 Гражданского кодекса Польской Народной Республики: Закон от 23 апреля 1964 года / пер. с пол. Н. Г. Комлева; под ред. И. А. Грингольца. М.: Прогресс, 1966. 374 с.

³ Ст. 437 Гражданского кодекса Португалии 1966 г. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2018/01/15/1160380782/ГК%20Португалии%20ред%202017.pdf>.

⁴ Ст. 6:258 Гражданского кодекса Нидерландов (6-я книга 1 янв. 1992 г.) URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR_0002656/2019-01-29; URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civil-codegeneral.htm>.

⁵ RG 3 February 1922, RGZ 103 328.

⁶ Cass 24 March 1998, n 3083 in Giust civ 1998, I 3161 NOTE Calderoni.

немногие системы санкционируют злоупотребление правами само по себе на законных и общих основаниях¹.

В Бельгии, законодательство которой практически идентично Франции, вопрос о связи добросовестности и злоупотребления правом не поднимался до конца 1960 г. Андре де Берсак в комментариях к судебному решению указал, что «обязанности солидарности и сотрудничества вытекают из обязательства уважать принцип добросовестности. Добросовестность всегда подразумевает искреннее, лояльное и честное поведение. Это стандарт, который применяется как за пределами договорной сферы, так и внутри нее. Связь между добросовестностью и злоупотреблением права, следовательно, очевидна»².

19 сентября 1983 года Кассационный суд Бельгии подтвердил эту точку зрения, заявив, что «принцип добросовестного выполнения соглашений, установленный статьей 1134 Гражданского кодекса, не позволяет одной из сторон договора злоупотреблять правами, предоставленными договором»³. Следовательно, согласно бельгийскому законодательству, понятие злоупотребления правом основано на абзаце 3 статьи 1134 Гражданского кодекса Бельгии.

Судебные органы во Франции исходили из аналогичной связи между добросовестностью и злоупотреблением правом при принятии некоторых решений [16, pp. 325–336].

Одной из причин возникновения противоречия в подходах к признанию корреляции между добросовестностью и злоупотреблением правом является отсутствие какого-либо нормативного закрепления определения добросовестности или злоупотребления правом в нормативных актах. Так, в Италии злоупотребление правом (*abuso del diritto*) не является кодифицированным принципом и его существование вытекает из правовой доктрины и судебных решений, принятых на основании статьи 833 Гражданского кодекса⁴, касающейся злоупотребления правом в имущественном праве. Злоупотребление правом в договорных отноше-

ях следует понимать как запрещение требования, которое хотя и законно само по себе, но преследует цель причинения ущерба другой стороне. Итальянские суды дифференцируют взаимосвязь между злоупотреблением правом и добросовестностью применительно к сфере действия права (договорные или вещные права).

Несколько категорий злоупотребления правом знает и немецкая правовая доктрина⁵. Так, к случаям злоупотребления правом относятся неправильное поведение (*exceptio doli specialis praeteriti*), нечистые руки (*tu quoque*), непостоянное поведение (*venire contra factum proprium*) и *Verwirkung* (принцип, запрещающий стороне противоречить самому себе в ущерб другой стороне или отходить от заранее согласованной договорной позиции).

Основой санкций в случае такого «неправильного» и непоследовательного поведения всегда является принцип добросовестности. Следует отметить, что с терминологической точки зрения не все страны используют понятие «злоупотребление правом». В Нидерландах, например, применяют концепцию злоупотребления властью, которая характерна для вещных прав, в то время как в обязательственном плане применяют принципы разумности и справедливости.

Таким образом, добросовестность и злоупотребление правом могут рассматриваться как элементы одной теории, цель которой исключить поведение субъектов, так или иначе ущемляющее интересы другой стороны и вступающее в противоречие с договорными целями.

Схожая задача и у иных принципов и правовых механизмов. При рассмотрении соотношения принципа разумности и добросовестности в системе общего права, например, происходит оценка поведения субъектов с точки зрения «абстрактного» разумного человека. В данном ключе критерий разумности объективен: он исходит из того, как поступил бы в данной ситуации любой разумный человек. Добросовестность, наоборот, субъективна – думал ли человек, что он действует разумно, не принимая во внимание точку зрения разумного человека.

Отдельного внимания заслуживает соотношение понятий добросовестности и справедливости. Идея несправедливых условий нашла отражение в нескольких директивах Евросоюза

¹ Например, Гражданский кодекс Швейцарии (ст. 2), Гражданский кодекс Квебека (ст. 7) и др.

² CA Liege 14 February 1964 u/, RCJB 1969, 497, n11.

³ Cass 3 eme ch 19 September 1983, RCJB 1986, 282. n J. L. Fagnart.

⁴ Гражданский кодекс Италии от 16.03.1942 г. URL: http://www.jus.unitn.it/cardoza/Obiter_Dictum/codciv/.

⁵ Схожая правовая теория существует и в Нидерландах.

и в дальнейшем была транслирована в национальное право европейских стран. Здесь речь идет о директиве 93/13/ЕЕС¹ относительно несправедливых условий в потребительских контрактах. Директива определяет понятие добросовестности в статье 3.1 в качестве одного из критериев, используемых для определения того, является ли пункт несправедливым. Положения директивы иллюстрируют различные подходы к применению добросовестности как критерию несправедливости. Хотя несколько юрисдикций ссылаются на критерии добросовестности, как указано в директиве 93/13/ЕЕС, для контроля несправедливых условий контракта, другие – против введения принципа в данном ключе. Во Франции и Бельгии, как и в Швейцарии, законодатели решили не ссылаться на понятие добросовестности, рассматривая критерий «значительный дисбаланс» как достаточное условие для определения несправедливости. Так, статья L. 132-1 Потребительского кодекса Франции гласит, что несправедливыми признаются пункты, которые создают эффект значительного дисбаланса между правами и обязанностями сторон в договоре и причиняют ущерб непрофессиональному участнику сделки или потребителю.

В то же время некоторые правовые системы используют понятие добросовестности для реализации контрольной функции – недобросовестное поведение приводит к признанию определенных условий несправедливыми.

Немецкое законодательство может в равной степени приводиться в качестве примера того, где добросовестность является одним из критериев определения, какой пункт можно оценить в качестве несправедливого. До реформы немецкого закона об обязательствах вопросы несправедливых условий определялись в статье 9 Гражданского кодекса Австрии, которая касается «регулирования стандартных условий ведения бизнеса». Согласно данной статье: «(1) Любая оговорка, содержащаяся в стандартных деловых условиях, которая противоречит требованиям добросовестности и (или) неоправданно невыгодна другой стороне, должна быть аннулирована. (2) Если есть сомнения в справедливости условий, необосно-

ванные положения должны быть найдены и признаны недействительными, если они несовместимы с основными идеями законодательства, которым это положение противоречит или ограничивает основные права и обязанности, вытекающие из договора определенного вида и создает высокую степень угрозы для реализации контрактной цели». Эти положения были включены в Гражданский кодекс Германии и нашли отражение в § 305–310, в частности в § 307.

Некоторые авторы считают необходимым руководствоваться принципом добросовестности для определения несправедливого положения сторон, поскольку именно добросовестность является основой для всех перечисленных элементов [24, p. 549].

Можно констатировать, что правовые принципы, несмотря на различные критерии и основания применения, имеют схожую задачу – исключить поведение субъекта, несовместимое с целями договорного регулирования и ущемляющее интересы другой стороны. При этом разница в правовых последствиях не дает возможности рассматривать их как взаимозаменяемые правовые механизмы.

Если рассматривать процедуру применения добросовестности, то есть несколько этапов, когда суды могут апеллировать к данному принципу: ведение переговоров, определение договорных условий, толкование договорных условий, оценка исполнения сторонами своих обязательств.

На этапе переговоров критерий добросовестности используется для определения меры ответственности при наличии следующих обстоятельств. Первое обстоятельство связано с фактом необходимости переговоров, именно это определяет стандарт добросовестности. В случае если обязанность ведения переговоров существует в силу договора или в силу требований закона, акцент будет сделан на выполнение требований стандарта добросовестности в преддоговорной стадии, однако добросовестность находит выражение и через другие механизмы (нарушение баланса интересов, введение в заблуждение, ошибка).

В 1942 г. Гражданский кодекс Италии стал первым, в котором было кодифицировано требование добросовестности на преддоговорной стадии. Аналогичное правило есть в Гражданском кодексе Швейцарии (ст. 2), где указано,

¹ О несправедливых условиях в Договорах с потребителями: директива Совета Европейских Сообществ № 93/13/ЕЭС от 5 апр. 1993 г. [Электронный доступ]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что общая обязанность добросовестности распространяется на преддоговорной период. Гражданские кодексы Португалии (ст. 227) и Греции (ст. 197) также содержат требование ведения переговоров на принципах добросовестности и доверия.

Правовая основа преддоговорной ответственности не одинакова (в Германии она является элементом договорной ответственности; во Франции и Бельгии преддоговорная ответственность основана на деликтных принципах), но независимо от этого она имеет единую цель – санкционировать недобросовестное и нечестное поведение.

Также следует отметить существование общепризнанных стандартов поведения во время преддоговорного процесса. К ним относятся обязательства не делать намеренных искажений, предоставлять надлежащую информацию, соблюдать конфиденциальный режим информации, переданной в рамках переговоров. Механизмы защиты от нарушения данных обязательств разные, однако это не исключает идею о существовании стандарта добросовестности в преддоговорной период практически во всех правовых системах.

Таким образом, преддоговорная обязанность добросовестности ведет: к запрету переговоров без намерения заключить договор; к ведению переговоров в такой форме, которая может причинить вред другому участнику процесса; к необходимости соблюдать обязательство конфиденциальности [12, р. 243].

В процессе исполнения договора добросовестность также может быть основой для многих обязательств: содействие сотрудничеству, конфиденциальность информации, полученной в результате исполнения соглашения, обязанность предоставлять всю релевантную информацию, обязательство осуществлять исполнение честно и др. [20]. На этапе реализации договора актуальным становится вопрос о степени охвата договорных отношений принципом добросовестности, используется ли он повсеместно независимо от его включения в договор или нет.

Статья 242 Гражданского кодекса Германии содержит правило, в соответствии с которым должник при исполнении своего обязательства связан требованиями добросовестности, рассматриваемого в общем понимании; статья 1134 Гражданского кодекса Франции

говорит о том, что контракты должны исполняться в соответствии с доброй совестью.

В Принципах коммерческих контрактов, подготовленных УНИДРУА (ст. 1.7), определено, что каждая сторона должна действовать в соответствии с принципами добросовестности и честной сделки в международной торговле, при этом стороны не могут ограничить или исключить данную обязанность. Статья 1.106 (1) Принципов Европейского договорного права говорит о том, что данные принципы должны быть интерпретированы и развиваться в соответствии с их целями, к которым относятся распространение принципов добросовестности и честной сделки в договорных отношениях и единообразный подход к их применению. Также указаны схожие требования в той части, что стороны должны действовать в соответствии с принципом добросовестности и не могут ограничить или отказаться от него. Таким образом, для системы континентального права и для большинства международных актов, регулирующих договорные обязательства, характерно установление общей обязанности добросовестного поведения, которая не может быть изменена или отменена сторонами.

Добросовестность также является элементом, используемым при применении коллизионных принципов, в случае осложнения правоотношения иностранным элементом – как механизм, защищающий добросовестную сторону от незнания особенностей иностранного права.

Так, например, Гагская конвенция 1985 г. о праве, применимом к трастам и их признанию¹, содержит статью 15, в которой предусмотрено, что положения закона, которые обозначены коллизионными правилами, не должны применяться для целей защиты третьих лиц, действующих добросовестно. То есть речь идет о лицах, которые не знали и не должны были знать об иных принципах регулирования определенного вопроса и действовали, полагаясь на известные нормы.

Наиболее часто такая правовая трансляция данного принципа имеет место в вопросах право-, дееспособности физических лиц. В соответствии со статьей 1197 ГК РФ, физическое

¹ Гагская конвенция о праве, применимом к трастам и их признанию от 1 июля 1985 г. URL: <http://www.alppp.ru/law/grazhdanskoe-pravo/mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo/11/gaagskaja-konvencija-o-prave-primenitelnom-k-doveritelnoj-sobstvennosti-i-ee-posleduyusche.html>.

лицо, не обладающее гражданской правоспособностью по своему личному закону, не может ссылаться на отсутствие у него дееспособности, если по месту совершения сделки оно было дееспособным. Такая формулировка правовой нормы исходит из определения недобросовестного поведения (лицо знало, но решило не информировать об этом вторую сторону, вследствие чего у него появилась возможность прекратить правовую связь) с целью защиты лица, чье поведение в случае отсутствия у него знания презюмируется как добросовестное.

То же применение принципа можно обнаружить и в международных актах, особенно в актах, унифицирующих коллизионные принципы¹. Достаточно традиционным является установление правового запрета ссылаться на собственную недееспособность в случае, если в месте заключения или исполнения сделки законодательное ограничение отсутствовало и второе лицо не могло знать о существовании какого-либо запрета.

Можно отметить общие черты, присущие континентальной системе права в части условий и оценки применения принципа добросовестности. Первое — это общеобязательный характер добросовестности независимо от того, какое правовое закрепление он нашел в законодательстве. Такой общеобязательный характер принципа дает суду возможность использовать его без соответствующего заявления участников гражданского правового отношения, т. е. по собственной инициативе. Во-вторых, практика применения добросовестности сформировала некий стандарт поведения, которым стороны должны руководствоваться на всех стадиях договорных правоотношений, включая стадию ведения переговоров. Судебная практика посредством толкования апробирует договорные правоотношения на предмет соответствия их поведенческому стандарту. В-третьих, добросовестность позволяет при формальной правомерности условий договора перенести акцент с содержания контракта на выявление воли сторон, когда субъективные намерения участников важнее для правильной квалификации правоотношения, чем текст соглашения.

Тенденции развития принципа добросовестности в системе общего права. Добросовестность и правовая определенность, правовые инструменты учета субъективной составляющей правоотношения

Иной подход к применению принципа добросовестности сформировался в системе общего права. Английскими судами принцип добросовестности применяется достаточно осторожно, поскольку оценка поведения стороны как недобросовестного влечет целый ряд негативных правовых последствий, которые сторонами не рассматривались изначально [1, с. 9–10]. Такая сдержанная позиция английского права имеет исторические корни и обусловлена идеологической концепцией общего права, которая направлена на поддержание устойчивости правовых связей, уверенности и предсказуемости результата обязательственных правоотношений. Центральным звеном в дискуссии о значении добросовестности был вопрос о необходимости включения стандартов морали в договорные отношения, которые бы не нанесли урон стабильности правоотношения.

В доктрине по поводу введения общего принципа добросовестности высказываются опасения, что ее общеобязательный характер создаст правовую неопределенность, поэтому понятие добросовестности само по себе может быть принято, но в измерении к конкретному обязательству, а не как основной принцип, проходящий через все договорные отношения [25, pp. 17–20]. В дополнение к рассматриваемому опасению, интеграция такого принципа в правовую систему воспринимается как угроза принципу договорной автономии сторон, поскольку каждая сторона будет ограничена в преследовании своих личных законных интересов [15, p. 15]. Также есть мнение, что общая обязательность добросовестности дает судам право на непредсказуемое усмотрение в установлении содержания правовой связи сторон.

Большинство ученых считают, что английское право содержит различные инструменты, которые служат реализации функций, традиционно приписываемых добросовестности, в этой связи неочевиден положительный эффект от внедрения правовой концепции, которая, по сути, будет дублировать другие механизмы.

¹ Например, Женевская конвенция, устанавливающая единообразный закон о чеках 1931 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739197>.

Есть отдельные сферы предпринимательской деятельности, где добросовестность участников предполагается (например, отношения строительного подряда, трудовые контракты и фидуциарные сделки, в которых отношения сторон предполагают доверительный характер), во всех остальных случаях, как выразился судья Бингхем, «английские суды предпочли разработать частичные решения в ответ на возникшие проблемы несправедливости»¹. Такой подход имеет несколько причин, помимо нарушения принципа определенности. По мнению многих исследователей, английское право основано на индивидуализме, который предполагает, что каждая из сторон может преследовать свои (законные) цели при ведении переговоров и при исполнении договора, вменение же сторонам общих стандартов добросовестности могут сделать такой подход бессмысленным. Добросовестность может привести к излишней субъективизации и неопределенности обязательства, когда каждое условие будет рассматриваться сквозь призму поведения сторон. Это означает, что содержание принципа может меняться в зависимости от обстоятельств дела: если стороны не определились, что понимается под добросовестностью, они попытаются доказать содержание данного термина в конкретном споре.

Некоторые авторы считают, что обращение к принципу добросовестности позволило бы избежать искажений в содержании правовой связи [26, р. 1061]. Продолжая эту мысль, Роберт Саммерс в своей работе предположил, что иногда без принципа добросовестности судья вообще не в состоянии разрешить спор и единственный выход для него – это придумывать, как применить существующие правовые концепции к данному спору, запутывая прецеденты для дальнейшего разрешения спора [28, с. 198].

Следует отметить, что английское право воспринимает все договорное право сквозь призму экономической эффективности, где каждая сторона стремится извлечь выгоду в первую очередь для себя. Этот подход наложил отпечаток и на содержание базовых принципов, таких как справедливость, которая включает три ключевые элемента: «неоправданное господство, эквивалентность обмена и необходимость обеспечения сотрудничества» [17, pp. 28–29].

Иллюстрацией данного подхода является решение по делу «Schroeder Music Publishing Co Ltd v Macaulay»², в соответствии с которым молодой автор песен согласился отдать все свои произведения компании Schroeder на пятилетний период в обмен на вознаграждение, полученное от использования его произведений. В случае если размер вознаграждения превышал 5000 фунтов стерлингов, контракт пролонгировался автоматически, при этом у компании не было обязанности ни публиковать, ни рекламировать композиции. Палата лордов расторгла договор, несмотря на то что проверка договора на экономическую эффективность определяла его как действительную договорную форму. Учитывая фактические обстоятельства дела, судьи пришли к выводу, что набор прав и обязанностей по контракту не равноценен и более слабое положение автора песен вынудило его согласиться на заранее невыгодные для себя условия. Таким образом, были нарушены основные элементы принципа справедливости: отсутствие неоправданного господства, равноценность обмена и необходимость обеспечения сотрудничества. Все три элемента отсутствовали, что поставило карьеру автора песен в зависимость от дискреционной власти компании на срок до 10 лет, а отсутствие обязанности Schroeder осуществлять хоть какие-то действия, направленные на развитие карьеры автора и получения им соответствующей прибыли, сделали условия контракта несправедливыми. Кроме того, поскольку композитор не мог расторгнуть договор в течение заранее определенного периода, у него не было рычагов, которые гарантировали бы, что компания примет разумные меры, обеспечивающие получение композитором определенной выгоды от контракта посредством публикация и раскрутки его работ.

В данном решении палата лордов просто приняла во внимание более современную систему новых ценностей, таких как справедливость, эквивалентность обмена и обязанности сотрудничества между договаривающимися сторонами, – ценностей, которые обычно гарантируются принципом добросовестности в странах континентальной системы права.

Следует отметить также следующий элемент, характерный для системы общего права,

¹ Данное высказывание было в деле «Interfoto Picture Library Ltd v Stiletto Visual Programmes Ltd» [1989] QB 433. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/1987/6.html>.

² Описание дела «Schroeder Music Publishing Co Ltd v Macaulay (1974) 3 All ER 616, 1974 1 WLR 1308HL» содержится в книге «The Law of contract» Hugh Collins. Cambridge University Press, 2003. P. 28.

– понятие добросовестности, которое встречается в нормативных актах используется в основном в субъективном ключе¹. При этом система общего права содержит определенное противоречие между понятиями объективной и субъективной добросовестности. Принцип добросовестности в его объективном ключе достаточно часто определяется как один из важнейших критериев, согласно которому осуществляется разграничение между системой континентального права и общего права.

Выделим следующие подходы к определению понятия добросовестности. Первый критерий добросовестности – соблюдение разумных коммерческих стандартов добросовестного ведения дел². Второй – верность согласованной общей цели и соответствие обоснованным ожиданиям стороны³. В деле *Yam Seng* судья также подчеркнул, что у добросовестности есть, как минимум, два аспекта – честность и преданность общему делу. При этом оценка поведения сторон должна быть объективной и не зависеть от восприятия участниками сделки того, какое поведение является ненадлежащим; наиболее важным фактором будет квалификация поведения как коммерчески неприемлемого с точки зрения разумных и честных людей.

¹ Например, Закон о продаже товаров 1979 г. использует понятие добросовестности исключительно в его субъективном смысле (ст. 23: «Когда продавец товаров имеет право на него, но его права не были исключены во время продажи, покупатель приобретает хорошее право собственности на товары при условии, что он добросовестно приобретает их и без уведомления продавца о дефекте права собственности»; ст. 24: «Где человек, продавший товар продолжает или владеет товаром или правоустанавливающими документами на товар, доставка или передача этим лицом или действующим на него торговым агентом товаров или правоустанавливающие документы при любой продаже, залоге или ином их распоряжении любому лицу добросовестно и без уведомления о предыдущей продаже, имеет тот же эффект, как если бы лицо, осуществляющее доставку или передачу, было прямо уполномочено владельцем товара, чтобы сделать то же самое»; ст. 25: «(1) Когда человек купил или согласился купить товары получает с согласия продавца владение товарами или правоустанавливающие документы к товарам или правоустанавливающим документам при любой продаже, залоге или ином их распоряжении, любое лицо, получающее то же самое добросовестно и без уведомления о каких-либо залоговом праве или ином праве, первоначальный продавец в отношении товара, действует так же, как если бы лицо, осуществляющее доставку или передачу, было торговым агентом во владении товаров или правоустанавливающих документов с согласия владельца»).

² *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corporation Ltd* [2013] EWHC 111. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2013/111.html>.

³ *CPC Group Ltd v Qatari Diar Real Estate Investment Co* [2010] EWHC 1535 (Ch) (25 June 2010). URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff74160d03e7f57eaa7ac>.

Согласованность общей цели и соответствие ожиданиям не должны возводиться в абсолют, поскольку, если стороны имеют по контракту какие-либо согласованные преимущества, нет никаких оснований полагать, что добросовестность подразумевает отказ от этих преимуществ. Так, в деле *«Gold Group Properties Ltd v BDW Trading Ltd»*⁴ одна из сторон должна была построить объекты недвижимости на участке, принадлежащем контрагенту, однако на момент, когда строительство должно было начаться, цены упали на 20 %, в результате подрядчик практически ничего не зарабатывал. На предложение отложить строительство заказчик ответил отказом. Поскольку подрядчик *BDW Trading Ltd* отказался исполнять контракт на таких условиях, *Gold Group Properties Ltd* подала в суд. Во время процесса ответчик просил признать договор недействительным из-за падения цен на недвижимость, а поведение истца недобросовестным. Данные доводы были отклонены, и суд посчитал, что добросовестность не предполагает то, что одна сторона должна отказываться от исполнения по причине коммерческого риска, который сделал для другой стороны исполнение менее выгодным.

Относительно понятия честности очевидно, что легального определения нет и не будет, поскольку честность, как и добросовестность в целом, в большинстве случаев зависит от контекста. В деле *«D&G Cars v Essex Police Authority»*⁵ была предпринята попытка охарактеризовать нечестное поведение – поведение, которое может поставить под угрозу взаимное доверие и уверенность друг в друге. При этом нечестное поведение необязательно сводится к лжи, краже или другим очевидным примерам, но в любом случае любое поведение будет оцениваться с точки зрения его «коммерческой приемлемости» в зависимости от контекста правоотношения.

В споре *«Director General of Fair Trading v First National Bank»*⁶ в первой инстанции Эванс-Ламбе младший отметил, что слова «добрая

⁴ *Gold Group Properties Ltd v BDW Trading Ltd* (2010) EWHC 1632 (TCC). URL: <http://www.thesolicitors-group.com/Downloads/Articles/24Jun2010/ContractFrustrationandfallinprojectedsaleproceeds.pdf>.

⁵ *D&G Cars v Essex Police Authority* (2015) EWHC 226 (QB). URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff76d60d03e7f57eac5c8>.

⁶ *Director General of Fair Trading v First National Bank* (2001) UKHL 52 (2002) AC 481. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2001/52.html>.

совесть» не должны быть истолкованы так, что в английском праве отсутствует критерий честности, но больше в значении смысла, придаваемого добросовестности континентальным правом, которое, как он понимает, отсылает к принципу честной и открытой сделки. Такой анализ был подтвержден палатой лордов, которые определили добросовестность как объективный критерий, который апеллирует к понятию справедливой и открытой сделки. Лорд Бингем отметил, что открытость требует того, чтобы условия были выражены полно, четко и понятно и не содержали скрытых подводных камней или ловушек. Соответствующее значение должно быть у терминов, которые могут невыгодно работать для потребителя. Справедливая сделка требует, чтобы поставщик не получил преднамеренно или бессознательно преимущества от потребности потребителя в товаре, бедности, отсутствия опыта, неизвестности относительно предмета контракта, слабой договорной позиции или любых других факторов, перечисленных в законе.

Один из важных вопросов связан с тем, каким образом применять принцип добросовестности, если стороны указали на необходимость добросовестного поведения в самом контракте. Если договор содержит общую обязанность вести себя добросовестно, стороны могут столкнуться с проблемой слишком широкого или слишком узкого толкования данного принципа в суде и итоговый результат может не соответствовать изначальному намерению сторон. Суды могут также пойти по пути ограничительного подхода и применить оговорку не как условие, распространяющееся на все отношения сторон, а только на определенное обязательство. В деле «TSG Building Services Plc v South Anglia Housing Ltd»¹ было условие, которое было сформулировано как требование к сторонам «действовать совместно в духе доверия, справедливости и взаимного сотрудничества, добросовестно и разумно». Однако суд не счел, что это условие распространяется на весь договор, и посчитал, что при реализации права на расторжение договора положения контракта о добросовестности не действуют. Отдельного внимания заслуживает дело «Fujitsu Services Ltd v IBM United

Kingdom»², в котором истец апеллировал к обязанности действовать добросовестно, поскольку в договоре была оговорка о том, что компания IBM, являясь опытным поставщиком на рынке IT-услуг, будет добросовестно выполнять свои обязательства, руководствуясь надлежащей договорной практикой. В итоге суд не поддержал требование Fujitsu о возмещение убытков в виде упущенной выгоды по следующим причинам: во-первых, упущенная выгода возникла в результате действий, связанных с субподрядом, на который, по мнению суда, не распространялись в полном объеме положения основного договора; во-вторых, контракт содержал гарантии IBM о выполнении принятых на себя обязательств, в подобной конфигурации суд посчитал, что обязанность действовать добросовестно неисполнима, поскольку есть гарантия, которая, с точки зрения договора, имеет больший правовой эффект, чем добросовестность. Помимо этого, суд посчитал действительной оговорку об ограничении ответственности, так как стороны соответствовали требованиям, предъявляемым к профессиональным участникам; и даже то, что действие данной оговорки «ухудшало» положение истца, было истолковано как реализация принципа «автономии воли» и свободы договора.

Однако английские суды не всегда демонстрируют такой подход. Наиболее значительным в смысле оценки общеобязательности принципа добросовестности было решение по указанному выше делу «Yam Seng v International Trade Corp Ltd (ITC)»³. Между сторонами был заключен договор, который предоставлял право распространять продукцию под маркой Manchester United через определенные торговые точки. Через 15 месяцев Yam Seng попыталась расторгнуть контакт, ссылаясь на подразумеваемую обязательность добросовестности иметь дело только с ними. В первой инстанции судья Легатт, несмотря на подход английского права к добросовестности и ее применению, посчитал, что нет никаких трудностей в том, чтобы добросовестность оценивалась английскими судами как подразумеваемая обязанность в каждом коммерческом контракте.

² Fujitsu Services Ltd v IBM United Kingdom (2014) EWHC 752 (TCC). URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff74c60d03e7f57eaafa4>.

³ Yam Seng v International Trade Corp Ltd (ITC) (2013) EWHC 111. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2013/111.html>.

¹ TSG Building Services Plc v South Anglia Housing Ltd (2013) EWHC 1151 (TCC). URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff76d60d03e7f57eac627>.

Для того чтобы установить наличие подразумеваемой обязанности, необходимо было определить соответствующий «правовой фон», на основании которого заключаются контракты и это не только факты, известные сторонам, но также общие ценности и нормы поведения. Особенное внимание принципу добросовестности уделяется при заключении «реляционных» контрактов, т. е. таких, в каких преобладают ожидаемые будущие отношения сторон, которые неизвестно как сложатся, поскольку ни одна из сторон в подобной конфигурации этим не занималась (например, компания выводит новый бренд на рынок и даже имеющийся у компании опыт не позволяет оценить судьбу бренда на рынке). Легатт также выделил, как минимум, три примера реляционного контракта (соглашения о совместном предприятии, соглашения о франшизе и долгосрочные контракты о распространении товаров определенной марки), в которых добросовестность может рассматриваться как общеобязательное условие, поскольку такие контракты могут предусматривать высокую степень коммуникации, сотрудничества, лояльности, что может отсутствовать в контракте, но подразумевается сторонами в связи с необходимостью обеспечения эффективного ведения дел.

Поскольку в решении *Yam Seng*, несмотря на попытку распространить условие добросовестности на «любые коммерческие контракты», было в первую очередь указано на реляционные контракты, то в некоторых последующих спорах можно наблюдать тенденцию, когда сторона пытается обосновать применение добросовестности тем, что контракт между сторонами следует квалифицировать в качестве реляционного. В деле *«Acer Investment Management Ltd v Mansion Group Ltd»*¹ ответчик в обоснование своей позиции ссылался на применение добросовестности по причине реляционности соглашения, однако суд занял другую позицию и посчитал, что использование общих формулировок и абстрактных терминов свидетельствует о неустойчивости правовых связей и, как следствие, о нежелании эту правовую связь продолжать в будущем.

В деле *«D&G Cars Ltd v Essex Police Authority»* Высокий суд Англии решил применить

к отношениям сторон подразумеваемое условие в виде честности, однако судья отметил, что использовал термин «честность», как и в деле *Yam Seng* использовался термин «добросовестность», – в качестве предполагаемой обязанности. Поскольку контракт подразумевал длительный период договорных отношений и в рамках данной правовой связи заключалось большое количество сделок, судья пришел к выводу, что договор имел в большей степени реляционный характер. Это позволяет сделать вывод о том, что квалификация договорной связи имеет решающее значение при решении вопроса о применении соответствующих принципов.

Принцип добросовестности также имеет значение при ведении переговоров, направленных на заключение договора или урегулирование спора, возникшего в результате ведения переговоров. В деле *«Interfoto Picture Library Ltd v Stiletto Visual Programmes Ltd (1989)»*² Л. Дж. Бингхэм заметил, что в большинстве правовых систем «обязательственное право признает и придает юридическую силу первостепенному принципу, что при заключении и исполнении контракта стороны должны действовать добросовестно. Обязанность действовать добросовестно, конечно, шире по объему чем обязанность раскрывать информацию, потому что она не ограничена преддоговорным поведением, но может быть расширена и на поведение сторон в процессе исполнения контракта и даже на его расторжение».

В решении *«Walford and other v Miles and other»*³ палата лордов исключила такую обязанность, посчитав, что концепция вести переговоры на условиях добросовестности противоречит позиции сторон, которые, участвуя в переговорах, преследуют свои интересы. Чтобы достичь цели (реализовать свой интерес), у участников должен быть определенный набор правовых инструментов, к которым относятся в том числе угроза выйти из дальнейших переговоров или фактически отказаться от переговоров в надежде, что другая сторона возобновит переговоры с предложением более выгодных условий.

Впоследствии суды неоднократно ссылались на данное решение, в том числе при попыт-

¹ *Acer Investment Management Ltd v Mansion Group Ltd* (2014) EWHC 3011 (QB). URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff7d460d03e7f57eb25c9>.

² *B Interfoto Picture Library Ltd v Stiletto Visual Programmes Ltd* (1989) QB 433. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/1987/6.html>.

³ *Walford and other v Miles and other* (1992) 2 AC 128 a138. URL: <http://www.diprist.unimi.it/fonti/921.pdf>.

ке исключить его действие, если ведение переговоров носило иной характер. Так, в деле «Petromec Inc v Petroleo Brasileiro SA Petrobras»¹ суд посчитал себя не связанным решением по делу «Walford v Miles» ввиду того, что между сторонами не было соглашения, хоть как-то подразумевающего добросовестное участие в переговорах; кроме того, между сторонами так и не возникла правовая связь, поскольку заключение договора было предметом переговоров. В данном же деле было договорное требование о ведении переговоров добросовестно, более того, суд пояснил, что ведение переговоров добросовестно в определенных случаях презюмируется (речь идет, например, о согласовании финансовых документов сторонами в процессе исполнения сделки).

Высокий суд Англии при рассмотрении вопроса о наличии обязательства вести добросовестные переговоры по делу «Barbudev v Eurocom Cable Management Bulgaria»² обнаружил, что дополнительное письмо стороны с изложением предполагаемых инвестиций в акционерный капитал было слишком неопределенным, для того чтобы его можно было фактически исполнить, и не охватывал всех существенных условий. Однако письмо содержало обязательство, что сторона будет вести себя добросовестно при согласовании условий инвестирования. В итоге судья резюмировал следующее:

1. Соглашение о добросовестном ведении переговоров без каких-либо дополнительных обязательств в английском праве не имеет силы (таким образом, суд делает вывод, что добросовестностью нельзя «закрыть» все договорные или преддоговорные пробелы);

2. Соглашение о добросовестном ведении переговоров может быть исполнимо, если стороны установили объективные критерии или механизм для разрешения возникающих разногласий. Но и при таких обстоятельствах больше вероятность, что суд прекратит действие договора, ссылаясь на объективные критерии или иные договорные механизмы, чем придаст юридическую силу соглашению о ведении переговоров.

Дж. Блэр также отметил, что сложно решить, вели ли стороны переговоры добросовестно и какого соглашения они достигли бы, если бы исполнили свои обязательства, и, следовательно, сложно оценить убытки, которые возникли в результате нарушения принципа добросовестности.

Аналогичный подход можно обнаружить в деле «Dhanani v Crasnianski (2011)»³, где протокол с изложением вопроса о создании фонда прямых инвестиций был, по мнению суда, слишком неопределенным, чтобы быть принудительным.

В практике также возникал вопрос, имеет ли договорное требование о ведении договоров добросовестно пресекательный срок. Так, если в договоре предусматривается срок, в течение которого должны быть проведены переговоры⁴, то, скорее всего, суд применит ограничительный подход и будет оценивать поведение сторон на предмет соблюдения принципа добросовестности в течение определенного периода. Но если указания на срок нет, то принцип добросовестности будет применяться в течение всего переговорного периода.

При досудебном урегулировании споров суды обычно исходят из принципа добросовестности, независимо от того, указано оно напрямую или нет⁵, поскольку досудебное урегулирование спора предполагает не просто формальный обмен претензиями, а выполнение эффективных действий, направленных на ликвидацию спорной ситуации. А необходимость совершения эффективных действий в данном случае и предполагает совершение этих действий добросовестно.

В целом следует отметить, что отношение английских судов к добросовестности меняется и, несмотря на отсутствие общей обязанности действовать добросовестно, в настоящее время английское право исходит из возможности зафиксировать, прямо или косвенно, такую обя-

¹ Petromec Inc v Petroleo Brasileiro SA Petrobras [2006] EWCA Civ 1038, [2007] 2 Costs LR 212. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff70d60d03e7f57ea6c78>.

² Barbudev v Eurocom Cable Management Bulgaria [2011] EWHC 1560 (Comm). URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5b46f1fe2c94e0775e7ef95b>.

³ Dhanani v Crasnianski [2011] EWHC 926 (Comm). URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff72660d03e7f57ea89aa>.

⁴ Например, в деле «Knatchbull-Hugessen and other v SISU Capital Ltd» существовало положение о ведении добросовестных переговоров в течение 6 недель «эксклюзивного» периода. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff72160d03e7f57ea82ae>.

⁵ См, например, Emirates Trading Agency LLC v Prime Mineral Exports Private Ltd (2014) EWHC 2104 (comm). URL: <https://www.fenwickelliott.com/research-insight/news-letters/legal-briefing/2014/18>.

занность в договоре. Несмотря на то что оценка добросовестности будет зависеть каждый раз от контекста, стороны могут минимизировать неопределенность путем конкретизации понятия добросовестности в договоре.

Также требование действовать добросовестно отчасти вошло в английское право через европейские директивы. Попытки гармонизировать договорное право государств-членов ЕС, в том числе посредством принятия таких актов, как Принципы европейского договорного права и предложенное Европейской комиссией Положение об общем европейском законе о продажах, также включают общую обязанность: действовать в соответствии с принципами добросовестности и честности. В законе о морском страховании¹ прямо предусмотрена необходимость предельной добросовестности как условие заключения договора морского страхования, нарушение которого приводит к расторжению договора. В Положении о коммерческих агентах² содержится требование обязанности агента действовать добросовестно, такая же логика заложена в положениях о недобросовестных условиях в потребительских договорах и т.д.

Многие отсылки к обязанности добросовестности, которые предусматривают конвенции, так или иначе предполагаются в английском праве, но не в контексте добросовестности. Например, в деле «William Lacey (Hounslow) Ltd v Davis (1957)» 1 WLR 932³ застройщик выполнял работу по желанию собственника на безвозмездной основе, рассчитывая на то, что в последующем между ними будет заключен контракт. Однако договор не был заключен, а застройщик потребовал компенсацию за выполненную работу. В большинстве стран континентальной системы права данный вопрос решался бы в том числе с учетом требований добросовестности. Но английский суд посчитал, что в данном случае необходимо применять требование закона, в соответствии с которым необходимо заплатить разумную плату за проделанную работу, которая была инициирована не исполнителем.

Английское право имеет довольно серьезные механизмы защиты стороны от недобросовестного поведения. В особых случаях недобросовестности, таких как ложь, использование незаконного давления, использование «слабости» другой стороны и злоупотребление доверием, создается основание, в соответствии с которым договор может быть изменен или прекращен. Многие акценты в английском праве меняются с негативного аспекта (обязанность не сообщать информацию, не соответствующую действительности) на позитивный (требование раскрывать всю релевантную информацию). Еще одним шагом навстречу добросовестности является то, что большинство исключений в правилах английского договорного права соответствует критерию добросовестности. Существование контрактов, основанных на предельной добросовестности и обязанности раскрытия информации, которые признает английское право, использование доктрины обязательственного эстоппеля, эстоппель на основании договора, право, применяемое к фидуциарным сделкам, правила, которые суд применяет, когда пытается толковать контракт, и готовность судов имплементировать подразумеваемые условия в контракт в определенных ситуациях – все это, по сути, заменяет действие принципа добросовестности в континентальной системе права.

Также в английском праве нашла развитие доктрина, отличающая доктрину фрустрации контракта от невозможности и нецелесообразности исполнения контракта, которая использует широкое понятие добросовестности.

Резюмируя, можно выделить следующие причины, по которым английское право до сих пор не признало доктрину добросовестности как повсеместную обязанность. Первая причина: английское право началось с предпосылки твердого индивидуализма, в рамках которого стороны ожидают реализовать свои собственные интересы и достичь условий, наиболее выгодных для себя. Однако существуют фрагментарные исключения, на основании которых право пытается защитить ожидания потребителя и вменить ограниченную обязанность к сотрудничеству в целях избежать несправедливости, которая может возникнуть вследствие отказа признавать существование любой обязанности договариваться добросовестно. Вторая причина: английское право неохотно принимает

¹ Marine Insurance Act 1906 CHAPTER 41 6 Edw 7. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Edw7/6/41/contents>.

² The Commercial Agents (Council Directive) Regulation, 1993 № 3053. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/1993/3053/contents/made>.

³ William Lacey (Hounslow) Ltd v Davis (1957) 1 WLR 932. URL: https://www.isurv.com/directory_record/4659/william_lacey_hounslow_ltd_v_davis.

широкие основополагающие принципы, такие как принцип добросовестности. Ему предпочтительно развиваться пошагово и по аналогии с существующими прецедентами, чем через отсылки к широким и абстрактным положениям.

Следует отметить, что в системе общего права, куда входят не только Великобритания, но и США, Австралия, Новая Зеландия и другие страны, отношение к добросовестности более лояльное, чем в английском праве.

В Австралии по делу «New South Wales Court of Appeal in Renard Constructions (ME) Pty v Minister for Public Works»¹ судья отметил, что принцип справедливости и правила «честной игры» стали стандартами при рассмотрении дел и любое отклонение от стандартов не будет поддержано современным обществом. Это не говорит о повсеместном применении добросовестности, скорее о более широком и последовательном подходе, чем в английском праве.

В Соединенных Штатах Америки еще в 1919 г. Апелляционный суд по делу «Wigand v Bachmann-Bechtel Brewing Co»² указал, что каждый контракт подразумевает добросовестность и справедливость в отношениях между сторонами. Такой подход отразился и в нормативных актах, таких как Единый коммерческий кодекс (1951)³, в котором содержится положение (ст. 1-203), что каждый контракт или обязательство, заключенное в соответствии с Кодексом, предполагает обязанность соблюдать добросовестность при их признании и исполнении, и в этой связи статья 1-201 определяет добросовестность как честность по факту, в поведении и в соответствующей сделке.

Поскольку сделать обзор судебной практики всех штатов относительно применения принципа добросовестности достаточно сложно в рамках одного исследования, представляется целесообразным обратиться к практике отдельных штатов, где принцип добросовестности получил дополнительное наполнение или содержание.

Так, в деле «Oxbow Carbon & Minerals Holdings, Inc., et al. v. Crestview-Oxbow Acquisition, LLC, et al. № 536, 2018 г.» (17 января

2019 г.)⁴ Высокий суд штата Делавэр представил свою интерпретацию доктрины подразумеваемой обязанности добросовестности и справедливого ведения дел. Первое, на что стоило обратить внимание, это разъяснение судом наиболее распространенных ситуаций, когда применяется подразумеваемая обязанность добросовестности. Первая ситуация возникает, если условия соглашения не охватывают событие, которое произошло. Другая ситуация – когда стороне договора предоставили право действовать по отношению к определенному субъекту; и предполагается, что усмотрение будет использоваться таким образом, как указано в прямых условиях договора. Когда договор предоставляет усмотрение одной стороне, предполагается, что оно должно использоваться разумно и добросовестно.

Высокий суд Делавэра пояснил, что «подразумеваемая обязанность добросовестности и справедливого ведения дел не является справедливым средством для восстановления баланса экономических интересов после событий, которые могли бы быть ожидаемыми, но впоследствии не оказали негативного влияния на одну из сторон контракта, скорее добросовестность является ограниченным и экстраординарным средством правовой защиты».

При этом подразумеваемая обязанность не применяется, когда в договоре есть положения, определяющие соответствующее поведение, а только тогда, когда в договоре действительно ничего не говорится о рассматриваемом вопросе. Но и в том случае, когда в договоре ничего не упоминается по спорному вопросу, суд не может использовать подразумеваемые условия для переписывания соглашения между сторонами и ему следует более осторожно относиться к обеспечению договорной защиты в случаях, когда ничего не препятствовало сторонам предусмотреть соответствующие положения.

В штате Вашингтон в деле «Nova Contracting, Inc. v City of Olympia»⁵ было детализировано содержание принципа добросовестности. Иск со стороны Nova Contracting возник по

¹ New South Wales Court of Appeal in Renard Constructions (ME) Pty v Minister for Public Works (1992) 44 NSWLR 349.

² Wigand v Bachmann-Bechtel Brewing Co Court of Appeal of the state of NY 08.01.1918 222 NY, 272. URL: <https://case-text.com/case/wigand-v-bachmann-bechtel-brewing-co-1>.

³ Единый коммерческий кодекс США 1951 г. URL: https://www.trans-lex.org/450500/_uniform-commercial-code/.

⁴ Oxbow Carbon & Minerals Holdings, Inc., et al. v. Crestview-Oxbow Acquisition, LLC, et al. № 536, 2018. URL: <https://courts.delaware.gov/Opinions/Download.aspx?id=284140>.

⁵ Nova Contracting, Inc. V City of Olympia № 48644-0-II (Wash Ct. App. 18 апреля 2017 г.). URL: <https://law.justia.com/cases/washington/supreme-court/2018/94711-2.html>.

причине расторжения администрацией города Олимпия договора подряда по замене водопропускной городской трубы, проложенной под асфальтированной велосипедной дорожкой. Контракт содержал положение «Уведомление о протесте», которое было взято из руководства Департамента транспорта Вашингтона, стандартные технические условия для дорожного, мостового и муниципального строительства (2012). В соответствии с контрактом Nova должна была представить различные согласования инженеру города для утверждения до начала строительства. В контракте разяснялись две позиции: утверждение инженера города было предварительным условием для начала работ, подпадающих под действие заявки, и решение города принять или отклонить заявку было окончательным.

Контракт позволил Nova в течение 45 дней после получения уведомления приступить к завершению проекта. Городские власти отправили уведомление о продлении срока действия до 11 августа 2014 г., выразили мнение, что Nova не может выполнить график проекта, и запросили пересмотренный график. Далее городские власти отклонили многие заявки и повторные заявки Nova. Nova убеждала, что город препятствовал его работе, неправомерно отклоняя представления, но не достигла решения. К началу сентября многие ключевые документы остались неутвержденными.

4 сентября 2014 г. город инициировал расторжение контракта с Nova. Городские власти указали на неспособность Nova осуществить работы в необходимые сроки.

Компания в конечном счете подала иск, сославшись на то, что владелец использовал процесс проверки для своих заявок, нарушив подразумеваемое условие добросовестности и справедливости. Nova утверждала также, что в результате обработки городом заявок были сформированы требования, которые не являлись частью контракта: это задержало работу Nova так, что она не смогла своевременно завершить проект. Город подал встречный иск о возмещении убытков.

Перед судом возник вопрос, когда применяются принципы добросовестности и честности. Суд начал свой анализ с предпосылки, что закон в штате Вашингтон, как и в большинстве штатов, налагает подразумеваемую обязанность добросовестности и справедливости в

каждом контракте. Эта обязанность требует, чтобы стороны сотрудничали друг с другом, чтобы каждая сторона могла извлечь выгоду из полного исполнения контракта.

Обязанность добросовестности и добросовестного ведения дел не добавляет и не противоречит четко выраженным условиям и не навязывает своего рода «свободно плавающие обязательства добросовестности». Скорее это означает, что стороны должны добросовестно выполнять обязательства, налагаемые их соглашением, а не инициировать появление новых обязательств, отсутствующих в договоре.

Главный вопрос был в оценке позиции города, действовали ли стороны в духе «верности согласованной общей цели и согласованности с оправданным ожиданием другой стороны» или с целью помешать Nova достичь своих разумных ожиданий по контракту.

Проанализировав поведение сторон в части соблюдения стандартов справедливости или разумности, суд посчитал, что отговорки и уклонения являются явным нарушением добросовестности. Отговорки и уклонения нарушают обязательство добросовестности, даже если сторона считает, что ее поведение оправдано и предусмотрено условиями договора. Но поскольку зафиксированные условия договора статичны, а обязательство развивается, недобросовестность может быть как явной, так и состоять из бездействия.

Составить перечень недобросовестных действий невозможно, но среди тех, которые были признаны в судебных решениях, можно выделить следующие: уклонение от духа сделки, отсутствие усердия, преднамеренное недопустимое исполнение, злоупотребление властью по отношению к конкретным условиям, а также вмешательство или неспособность сотрудничать для реализации исполнения другой стороной.

Городские власти утверждали, что при рассмотрении заявлений Nova на администрацию не возлагалась обязанность осуществлять действия в соответствии с принципом добросовестности, по мнению ответчика, данная обязанность возникает только тогда, когда сторона имеет дискреционные полномочия, в то время как в рамках действующего договора полномочия города были безусловными.

Суд отклонил широкое толкование администрацией города его полномочий по контрак-

ту и посчитал, что у города не было права отклонить все представления компании по любой причине, а тот факт, что городские интерпретации планов и спецификаций являются «окончательными», не дает городу неограниченного усмотрения. Таким образом, контракт предоставил городу дискреционные полномочия принимать или отклонять представления, а не неограниченные полномочия. Поведение городских органов власти также шло вразрез с отраслевой практикой, так как городские власти требовали, чтобы все заявки были утверждены до того, как работы будут начаты, хотя традиционно требуется одобрение только тех документов, которые имеют отношение к работе; также город отказывал в согласовании документов по причине несогласованности других документов, которые должны были быть утверждены на этапе выполнения или завершения работ и т. д.

Следует отметить, что действия администрации города в системах континентального права, скорее всего, были бы квалифицированы как злоупотребление правом, в то время как в штатах такое использование своего договорного полномочия оценено судом как недобросовестное поведение. Особые договорные модели (например, строительный подряд) по-другому определяют содержание ответственности, поскольку стороны должны взаимодействовать вместе с целью успешной реализации проекта, гораздо в большем объеме, чем в иных сделках, поэтому в большинстве штатов строительные контракты содержат подразумеваемую обязанность добросовестности и справедливости.

Заключение

В настоящее время отсутствует понимание принципа добросовестности в едином ключе, характерном для всех правовых систем. Чаще всего принцип добросовестности раскрывается через такие понятия, как «честность» и «открытость», которые, в свою очередь, тоже не имеют унификации.

Система общего права оценивает договорные отношения сквозь призму коммерческой приемлемости и экономической эффективности правовых связей. Это, с одной стороны, приводит к отказу от общеобязательного характера добросовестности, с другой – придает добросовестности уникальные черты, которые не прослеживаются в континентальной системе права, такие как эффективность добросовестного по-

ведения. Таким образом, суды не налагают конкретного набора обязательств на участников в рамках оценки добросовестного поведения, но предполагают, что любое добросовестное взаимодействие будет эффективным, т. е. приведет к определенному результату.

Континентальная система права в силу общеобязательности принципа добросовестности придает ему расширительное толкование, достаточно часто наделяя принцип добросовестности чертами «правовой эмпатии» т. е. предполагает, что стороны руководствуются не только своими интересами, но и интересами контрагента. Поскольку страны романо-германской правовой семьи в большей степени основаны на принципах формализма, учет субъективной составляющей сделки возможен, как правило, через применение принципов, в то время как англосаксонская система права имеет иные механизмы учета и определения действительной воли сторон, поэтому не нуждается в повсеместном применении принципа добросовестности.

Библиографический список

1. Винокуров С. Н. Современная концепция добросовестности в обязательственном праве Франции, Германии, США и Англии // Право и политика. 2018. № 8. С. 1–12. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.8.27104.
2. Волков В. А. Добросовестность и разумность в концепции «злоупотребления гражданскими правом» // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 (12). С. 240–250.
3. Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45 С. 490–518. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518.
4. Карлявин И. Ю. Принцип добросовестности (Treu und Glauben) в правовой доктрине немецкоязычных стран: теоретико-практические предпосылки и конструирование // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 19–22.
5. Карташов В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Принципы права. 2006. Вып. 10. С. 3–33.
6. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
7. Скловский К. И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 2. С. 94–118.

8. Сковский К. И. Толкование добросовестности как обязанность суда // Закон. 2017. № 1. С. 106–109.

9. Соломин С. К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2 (47). С. 75–85.

10. Трунин А. А. Добросовестность как предпонимание (на примере толкования договора) // Правоведение. 2015. № 4. С. 98–117.

11. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию проф. Д. В. Дождева / под ред. А. М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 203–242.

12. Beale H., Hartkamp A., Kotz H. Tallon D. Cases, Materials and Text on Contract Law. (Oxford, Hart Publishing, 2002). 993 p.

13. Burton S. J. Breach of Contract and the Common Law Duty to Perform in Good Faith // Harvard Law Review. 1980–1981. Pp. 369–373.

14. Busch D., Hondius E., Kooten H. van, Schelhaas H. The Principles of European Contract Law: a Commentary. Kluwer Law International. 2002. 450 p.

15. Brownsword R., Hird N. J., Howells G. Positive, Negative, Neutral: The Reception of Good Faith in English Contract Law in Good Faith in Contract: Concept and Context. Eds Ashgate, 1999.

16. Carbonnier J. Droit civil, Les biens, les obligations. Quadrige, PUF, January 2000, no 1029. 2017. 2622 p.

17. Collins H. The law of contract (Law in Context) 4ed. Cambridge University press. 2008. 492 p.

18. Goldman B. La lex mercatoria dans les contractés internationaux: réalités et perspectives. JDI, 1979. 475 p.

19. Burton S. J. More of Good Faith Performance of a Contract: A Reply to professor Summers // Iowa Law Review. 1984. Vol. 69. P. 497.

20. Jaluzot B. La bonne foi dans les contrats. Étude comparative de droit français, allemand et japonais. Revue international de droit compare, 2001. № 53-4. Pp. 1008–1012.

21. Leclerc G. La bonne foi dans l'exécution du contrat (rapport canadien, 1ère partie, le contrat en général) dans La bonne foi (Journées louisianaises-1992), Travaux de l'Association Henri Capitant, t. XLIII, Paris, Litec, 1994. P. 265.

22. Leveneur L. Le forçage du contrat. Droit et Patrimoine, 1998. № 58.

23. Markesinis B. S., Unberath, H., Johnston A. The German Law of Contract: A Comparative Treatise. 2nded. Hart Publishing, 2006.

24. Mayer P. Le principe de bonne foi devant les arbitres du commerce international? 1993,

Etudes de droit international en l'honneur de Pierre Lalive. Pp. 543–556.

25. Powell R. Good Faith in Contracts. Current Legal Problem, 9. 1956. Pp. 16–38.

26. Ranieri F. Bonne foi et exercice du droit dans la tradition du civil law. RIDC. 1998. Pp. 1055–1092.

27. Stoffel-Munck P. L'abus dans le contrat. Essai d'une théorie. Preface R. Bout. LGDJ, 2000. Tome 337. 651 p.

28. Summers R. S. Good Faith in General Contract Law and the Sales Provisions of the Uniform Commercial Code // Virginia Law Review. 1968. Vol. 54. Pp. 195–267.

29. Summers R. S. Good Faith in General Contract Law and the Sales Provisions of Uniform Commercial Code. 1969.

30. Terre F., Simler P., Lequette Y. Droit civil, Les obligations, Dallos, Précis, 2005.

31. Zimmermann R., Whittaker S. Good faith in European Contract Law. Cambridge University Press. 2000. 756 p.

References

1. Vinokurov S. N. *Sovremennaya koncepciya dobrosovestnosti v obyazatel'stvennom prave Francii, Germanii, SShA i Anglii* [The Modern Concept of Good Faith in the Law of Obligations of France, Germany, United States and England]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 2018. Issue 8. Pp. 1–12. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.8.27104. (In Russ.).

2. Volkov V. A. *Dobrosovestnost' i razumnost' v koncepcii «zloupotrebleniya grazhdanskim pravom»* [Good Faith and Reasonableness in the Concept of 'Abuse of Civil Law']. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 2009. Issue 3 (12). Pp. 240–250. (In Russ.).

3. Golubcov V. G. *Sub'ektivnaya dobrosovestnost' v strukture obshchego ponyatiya dobrosovestnosti* [Subjective Good Faith in the Structure of the General Concept of Good Faith]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019. Issue 3 (45). Pp. 490–518. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518. (In Russ.).

4. Karlyavin I. Yu. *Princip dobrosovestnosti (Treu und Glauben) v pravovoj doktrine nemeckoyazychnykh stran: teoretiko-prakticheskie predposylki i konstruirovaniye* [The Principle of Good Faith (Treu und Glauben) in the Legal Doctrine of German-Speaking Countries: Theoretical and Practical Background and Construction]. *Nauchnyy poisk – Scientific Search*. 2016. Issue 2.1. Pp. 19–22. (In Russ.).

5. Kartashov V. N. *Principy prava: ponyatie, struktury, funktsii* [Principles of Law: Concept,

Structure, Functions]. *Yuridicheskie zapiski Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Principy prava* - Legal Notes of P. G. Demidov Yaroslavl State University. Principles of Law. 2006. Issue 10. Pp. 3–33. (In Russ.).

6. Kuznecova O. A. *Normy-principy rossijskogo grazhdanskogo prava* [Norms-Principles of Russian Civil Law]. Moscow, 2006. 269 p. (In Russ.).

7. Sklovskij K. I. *Primenenie prava i princip dobrosovestnosti* [Application of Law and Good Faith Principle]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF* – Herald of Economic Justice. 2018. Issue 2. Pp. 94–118. (In Russ.).

8. Sklovskij K. I. *Tolkovanie dobrosovestnosti kak obyazannost' suda* [Interpretation of Good Faith as the Duty of the Court]. *Zakon – ZAKON*. 2017. Issue 1. Pp. 106–109. (In Russ.).

9. Solomin S. K. *Teoriya dobrosovestnosti v rossijskom grazhdanskom prave: stanovlenie, razvitie, perspektivy* [The Theory of Integrity in the Russian Civil Law: Formation, Development, Prospects]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* – Herald of Omsk University. Series 'Law'. 2016. Issue 2 (47). Pp. 75–85. (In Russ.).

10. Trunin A. A. *Dobrosovestnost' kak predponimanie (na primere tolkovaniya dogovora)* [Good Faith as a Pre-Understanding (on the Example of Interpretation of a Contract)]. *Pravovedenie* – Proceedings of Higher Educational Institutions. *Pravovedenie*. 2015. Issue 4. Pp. 98–117. (In Russ.).

11. Shirvindt A. M. *Princip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie* [The Principle of Good Faith in the Civil Code of the Russian Federation and Comparative Law]. *Aequum ius. Ot druzej i kolleg k 50-letiyu professora D. V. Dozhdeva pod red. A.M. Shirvindt* [Aequum Ius. From Friends and Colleagues on the 50th Birthday of Professor D.V. Dozhdev; ed. by A.M. Shirvindt]. Moscow, 2014. Pp. 203–242. (In Russ.).

12. Beale H., Hartkamp A., Kotz H., Tallon D. *Cases, Materials and Text on Contract Law*. Oxford: Hart Publishing, 2002. 993 p. (In Eng.).

13. Burton S.J. Breach of Contract and the Common Law Duty to Perform in Good Faith. *Harvard Law Review*. 1980-1981. Pp. 369–373. (In Eng.).

14. Busch D., Hondius E., Van Kooten H., Schelhaas H. *The Principles of European Contract Law. A Commentary*. Kluwer Law International, 2002. 450 p. (In Eng.).

15. Brownsword R. Positive, Negative, Neutral: The Reception of Good Faith in English Contract Law. *Good Faith in Contract: Concept and Context*; ed. by R. Brownsword, N. J. Hird,

G. Howells. Ashgate Publishing Limited, 1999. (In Eng.).

16. Carbonnier J. *Droit Civil: Les Biens. Les Obligations*. Quadrige. Presses Universitaires de France. Paris, 2017. 2622 p. (In Fr.).

17. Collins H. *The Law of Contract (Law in Context)*. 4th ed. Cambridge University Press, 2008. 492 p. (In Eng.).

18. Goldman B. *La Lex Mercatoria Dans Les Contrats et l'Arbitrage Internationaux: Réalités et Perspectives*. *Journal du Droit International*. 1979. 475 p. (In Fr.).

19. Burton S. J. More on Good Faith Performance of a Contract: A Reply to Professor Summers. *Iowa Law Review*. 1984. Vol. 69. P. 497. (In Eng.).

20. Jaluzot B. *La Bonne foi Dans Les Contrats. Étude Comparative de Droit Français, Allemand et Japonais*. *Revue Internationale de Droit Compare*. 2001. Issue 53-4. Pp. 1008–1012. (In Fr.).

21. Leclerc G. 'La Bonne foi Dans L'exécution du Contrat (Rapport Canadien, Lère Partie, le Contrat en Général)' dans *La Bonne foi (Journées Louisianaises-1992)*. *Travaux de l'Association Henri Capitant*. Vol. XLIII. Paris: Litec, 1994. P. 265. (In Fr.).

22. Leveneur L. 'Le Forçage du Contrat'. *Droit et Patrimoine*. 1998. Issue 58. (In Fr.).

23. Markesinis B. S., Unberath, H., Johnston A. *The German Law of Contract: A Comparative Treatise*. 2nd ed. Hart Publishing, 2006. (In Eng.).

24. Mayer P. 'Le Principe de Bonne foi Devant Les Arbitres du Commerce International?'. *Etudes de Droit International en L'honneur de Pierre Lalive*. 1993. Pp. 543–556. (In Fr.).

25. Powell R. Good Faith in Contracts. *Current Legal Problem*. 1956. Issue 9. Pp. 16–38. (In Eng.).

26. Ranieri F. *Bonne foi et Exercice du Droit Dans la Tradition du Civil Law*. *Revue Internationale de Droit Comparé*. 1998. Issue 4 (1). Pp. 1055–1092. (In Fr.).

27. Stoffel-Munck P. *L'abus dans le contrat. Essai d'une Théorie*; prefaced by R. Bout. Paris: L.G.D.J., 2000. Vol. 337. P. 649. (In Fr.).

28. Summers R.S. Good Faith in General Contract Law and the Sales Provisions of the Uniform Commercial Code. *Virginia Law Review*. 1968. Vol. 54. Issue 2. Pp. 195, 198. (In Eng.).

29. Summers R.S. Good Faith in General Contract Law and the Sales Provisions of Uniform Commercial Code. 1969. (In Eng.).

30. Terre F., Simler P., Lequette Y. *Droit Civil: Les Obligations*. Dalloz, 2005. (In Fr.).

31. Zimmermann R., Whittaker S. *Good Faith in European Contract Law*. Cambridge University Press, 2000. P. 701. (In Eng.).